

Петр Первый на охоте

Петр Первый много выпивал, много гулял и много работал. Он все-все сам делал и после каждой работы любил пойти поохотиться. Любил он русский народ, а солдат и странников особенно. К нему раз приходит странник, Василий Кессарийский. Это было дело в Петербурге. Пришел Василий Кессарийский к Петру Первому, он налил ему чару вина и сказал: «Василий Кессарийский, за ваше здоровье!» — «За ваше счастье».

Василий выплеснул чару за окно. Петр налил другую. Он также поздравил царя и выплеснул за окно. Петру это не понравилось. Он говорит: «Василий, я тебе наливаю, чтоб ты выпил, зачем ты выплескиваешь?» А Василий отвечает: «Ваше сиятельство, Москве жарко, город надо залить; вот видите, я выплеснул две чарочки, все и потухло».

Петр налил третью чару, он его поздравил и выпил. Поговорили кой о чем, закусили, и Василий ушел.

Петр Первый взял гусиное перо и книгу, в которой он все отмечал, и записывал, правда или нет, что Москва горела такого-то числа, и послал гонца узнать. Когда гонец в Москву приехал и доложил, что приехал от царя узнать, горела ли Москва, ему сказали: горела очень жарко, дружина работала очень хорошо, и потухло сразу. Когда возвратился гонец и доложил, что правда горела Москва, Петр взял гусиное перо и записал все это в свой дневник. И еще пуще полюбил Василия.

Приходит раз Василий, а жена Петра говорит: «Покажи [Василию] мою брошку (а она золотая, большая, с бриллиантами) — пусть он оценит». Они как раз в ту пору обедали. Петр взял брошку, подозвал Василия: «Василий, оцени Катину брошку, сколько она приблизительно стоит?»

Василий поглядел брошку, взял хлеба с полфунта: «Вот этот кусочек хлеба стоит, а то и вряд».

Екатерина приподнялась из-за стола и ушла. Она обиделась, что она, царица, и носит такие дешевые брошки. А Петр сказал Василию и моргнул на жену: «Неправильно ты оценил!» А Василий говорит: «Нет, правильно, Петр Алексеевич, я вот живу девятый десяток без золота, а если не дать вам три дня хлеба, и вы эту брошку на третий день за него отдадите. Вы

люди зажиточные, ничему не верите, а мы люди бедные, всему верим, ведь может так случиться. Вот, например, вы богатый царь и можете забеднеть, ничего не иметь и умереть без куска хлеба».

Петр этому не поверил. Поговорили кой о чем, посидели, потом Василий ушел, а Петр собрал своих всадников, сели и поехали на охоту.

Ког да они въехали в лес, Петр увидел кабана дикого, прицелился и поскакал за ним. Скакал-скакал, сделалась чаща темная, и кабан исчез в чаще. Когда Петр потерял его из вида, он слез с коня и пошел разыскивать дорогу.

Ходил-ходил, дороги нет. А слышит, голос раздается, как будто песню поет. Пошел на этот голос, вышел — широкая дорога, а на этой дороге сидит солдат и поет. Петр притих и слушает, что он поет, а солдат поет:

Уж дороженька, ты дороженька широкая,
Шли по той дороженьке солдатики новобранные,
На ту ли службу, на царскую,
Да на войну на ту, на шведскую,
Уж устревали-то они врага-недрута,
Устревали его штыками-ружьями.

В ту пору конь захрапел, солдат глянул: невдалеке стоит незнакомый человек. Подходит Петр быстрым шагом к нему и спрашивает: «Кто ты такой?» Солдат отвечает: «Как будто человек». — «А сколь далеко ты идешь, куда путь держишь?» — «На службу. Царю послужить да шведов побить. Вы разве не слыхали, война со шведами?» — «Да слыхал что-то». Солдат спрашивает Петра: «А ты кто таков?» — «Я царский охотник, с царем на охоту ежжу, при дворце живу». — «А как тебя зовут?» — «Меня зовут Григорий, а тебя?» — «А меня просто солдат». — «Ну, солдат, пойдём, куда ты идешь». — «Да куда я иду, пойдешь — не найдешь, я заблудился». Петр говорит: «И я. Пойдем вместе дорогу искать!» — «А как же так, — говорит солдат, — я пешком, а у тебя конь». — «А вот как: я поеду, а ты пойдешь, а потом ты поедешь, а я пойду, а потом коня в повод возьмем, втроем пойдём». — «Ну, тогда ладно, пойдём». Петр спрашивает: «Ты в первый раз на войну?» — «Да нет, я уже семь годов воюю, за хорошую службу в отпуск отпущен, а теперь иду опять шведов бить». — «А царя ты видал?» — «А вот царя-то я ни разу не видал. Говорят, лют?! Никого не милует, сам генералам скулы набок сворачивает». Петр отвечает. «Да, это у него такая ухватка есть. Ну, а как, служивый, на войне страшно!» — «Эх, дружище, плохо на

войне, например, осенью: ночи темные, как сукно черное, дождь моросит, все сырое, а ты лежишь в окопах, прислушиваешься, как бы шведы не подкрались, и слышишь, кто что говорит. Вот солдаты и говорят: побили бы шведов да скорей бы к отцу с матерью, а другие товорят: скорей бы к детям своим, а кто говорит: повоевал бы Петр сам, скорей бы мир сделал. А другие говорят: он сам и воует, мы его на позиции видали. Ну, а я не видал, а охота поглядеть. Ему служим-служим, а видеть не видим». — «Как, ему служим? Мы служим своему народу, свою землю охраняем, а что ему служить!» — «Ну как же, я бы согласился еще семь лет служить, сорок шведов убить да во дворце побыть, царя поглядеть!»

Идут они, а уже дело к вечеру. Петр говорит: «Слушай, служивый, лезь на дерево, погляди, нет ли где огонька. Мы, должно, совсем с дороги сбились». — «О, — говорит солдат, — это я мастер, враз влезу».

Влез солдат на высокое дерево: «Эй, Григорий, близко огонек». — «Примечай получше!» — «У меня глаз такой: как гляну, так уж помню. Тут совсем близко, шагов на пятьдесят в лес».

Слез солдат, прошли они в лес; прошли немного — дом стоит. Кругом обгорожен забором. Тускло огонек горит. Постучали — огонь погас, ни слуху ни духу, а собаки во дворе так и рвутся. Солдат брякал-брякал — не открывают. Он, недалго думая, прыгнул через забор во двор и собакам всем головы поотрубал. Отворил засов: «Пожалуйста, Григорий, заходи».

Ввел коня; выходит старая старуха. и спрашивает: «Что вам угодно?» — «Переночевать надо». Старуха их пустила. Солдат и спрашивает: «Старуха, не будет ли чего поесть? Есть хочется» — «Нет ничего». — «А что в шкафе?» — «Да ключи от шкафа потеряла»..

Солдат размахнулся, вышиб замок, берет жареного гуся, подвигает скамейку: «Садись Григорий, давай ужинать!»

Вышши,. закусили. Солдат говорит: «Открой избушку». — «Ключей нет». Солдат опять разбил дверь в другую избу, а там полно кинжалов окровавленных, сапоги, седла. Оказывается, они к разбойникам попали. Солдат все это смекнул. «Где же нам ночевать?» — спрашивает старуху. «Хотите тут, а хотите — на сеннике». А Петр сидит, ничего не видит. «Пойдем, Григорий, на сенник».

Приходят на сенник, дали коню сена. «Григорий, полезем на чердак». — «Полезли».

Петр, как уморился, и заснул сразу, а солдат снял с коня аркан, вбил три гвоздочка в окно чердачное и привязал аркан. Слышит — гудят, визжат, скачут [разбойники]. Ворота на размах, ни одной собаки нет. Взошли в избу: «Старуха, руки мыть!» Бабка на стол собирает и рассказывает. «Ничего, сейчас мы с ними управимся». Один разбойник говорит: «Зачем всем, я сейчас один с ними сделаю».

Один разбойник полез на сенник. Только на жердь головой, а он [солдат] — цоп, голова отлетела. Закопал его. Они [разбойники] ждут: «Что он там с ними завозился?» — «Дай, — говорит другой, — Я пойду».

Идет другой. Пошел. Только туда голову, а солдат — цоп, голову бух, и этого прибрал. Эти [разбойники] говорят: «Что это они двое с ними возятся? Один полез, другой за ним пошел и нету их».

Пошел третий, четвертый. Солдат всех их перебил. «Григорий, — кричит, — вставай, посмотри, сколько я голов нарубил, пойдем!» Смотрят — старший [разбойник] сидит пьяный. Он [солдат] и его, и бабку прирубил. Стали с девкой разговаривать [девка там была], а у нее и языка нет, они [разбойники] ей отрезали. Девка повела их. Смотрят — там девушка лежит без памяти. Петр взял, облил ее, потер, привел в чувство. Служанка повела их во двор, указала на середке двора чугунную доску, показывает, чтоб они ее открыли. Солдат стал открывать, никак не поднимет. «Григорий, помоги мне». Вдвоем с Петром подняли. А там золото, деньги. Солдат стал брать, а Петр стоит. «Ты чо не берешь?» — «У нас там денег вволю, мне не нужно. Подставляй карманы, я тебе насыплю».

Солдат насыпал полные карманы, рубашку насыпал — и пошли. Вышли на дорогу уже к обеду, немного прошли. Вот тебе и город Петербург. Петр говорит: «Ты иди на постоянный двор с девушкой, а я пойду царю объявлю. После обеда приходи во дворец, спроси царского охотника».

После обеда солдат приходит во дворец. Только подходит, часовые спрашивают: «По какому делу?» — «Я к Григорию, цареву охотнику».

Они ему отдали честь и ведут его. Выходит Петр, и весь в царском уборе. Он так и упал, забоялся: он ведь и ругался черными словами, и людей убивал, и в сумочке харчи все приел. Петр говорит: «Не бойся!»

Дал ему обмундирование новое, все царские вещи, повел его государыне показывать. Наградил и отпустил домой.

Говорят, царь этого солдата женил. И были у него дети все боевые, и правнуки были, не одному чужому козлу хвост накрутили.

(Зап. от А. Н. Корольковой, с. Старая Тойда Анненского р. Воронежской обл.)

Русские народные сказки. Сказки рассказаны воронежской сказочницей А. Н. Корольковой. Сост. И отв. ред. Э. В. Померанцева. М., 1969.